

Спасибо, отец! Март 1956 года на улицах Тбилиси

Автор: Administrator
01.09.2014 18:27 -

Хотя мои родители были русскими, родился я в Тбилиси. В Тбилиси провел детство и юность. Одно из самых сильных впечатлений того времени – трагедия, разыгравшаяся в марте 1956 года. Грубые нападки на Иосифа Виссарионовича Сталина со стороны Хрущёва на XX съезде КПСС для нас были как гром среди ясного неба. Народ был в шоке.

5 марта 1956 года, в годовщину смерти Сталина (и менее чем через месяц после XX съезда. – А.Я.), люди вышли на улицы Тбилиси. Хорошо помню колонну студентов с красным знаменем, с портретами Ленина и Сталина. Она медленно двигалась по улице Челюскинцев. Встречный транспорт остановился, ребята требовали, чтобы все включили сигналы. Мой отец вышел из своего трофейного «Опеля», снял шапку, хотя валил мокрый снег, и поклонился портрету Сталина. «Спасибо, отец!» – сказал парень из колонны. Два дня подряд огромные толпы приходили к зданиям ЦК Компартии Грузинской ССР и Совмина и требовали, чтобы к ним вышли руководители республики. На третий день к народу вышел первый секретарь ЦК В.П. Мжаванадзе, закончивший войну в звании генерал-лейтенанта. Из толпы вышли трое со Звездами Героя Советского Союза: командир отряда из прославленного партизанского соединения Ковпака Давид Ильич Бакрадзе, русский танкист с обожженным лицом и гордость всех курдов Тбилиси – шейх-снайпер. Давид Ильич снял войлочную шапочку и сказал: «Мы пришли к тебе, уважаемый Василий, не только как к

руководителю нашей республики, но и как фронтовики к фронтовику». «Мудрость народов гласит: об усопших говорят либо хорошо, либо ничего», – добавил шейх. «Народ хочет знать, почему достойный презрения Никита очернил светлую память нашего отца, с чьим именем мы шли на смерть, защищая Родину». Люди их поддержали: «Правильно, отвечайте!» «Тише, тише», – замахал рукой Василий Павлович. «А вы нас не пугайте, – ответил танкист, – я пять раз в танке горел, меня трудно напугать. Вы лучше скажите, почему враги наши радуются?» Товарищ Мжаванадзе попросил всех разойтись, пообещав разобраться. Но народ продолжал волноваться.

Я с одноклассниками каждый день приходил к памятнику И.В. Сталину на набережной Куры, где круглосуточно кипел митинг. Весь высокий постамент памятника был завален венками из свежих цветов и букетами, а люди несли и несли. С кузова полуторки (импровизированной трибуны) люди говорили и кричали о своей обиде за Вождя. Народные сказители и певцы-ашуги – грузины, армяне, курды, азербайджанцы – в своих стихах и песнях прославляли отца всех наших народов. Фронтовики делились воспоминаниями, где и когда они видели Сталина на фронте. Запомнился азербайджанец, который клялся именем Аллаха, что в декабре 1941-го под Москвой Сталин ходил по окопам переднего края и лично ему пожал руку (сейчас «демократы» утверждают, будто Сталин в годы Великой Отечественной никогда не бывал на фронте, однако даже в моей семье его видели двое – мой дядя, полковник-танкист Л.П. Иванов, и тесть, П.Т. Высоцкий, прошедший войну в 9-й Гвардейской Кубанской пластунской казачьей дивизии. – А.Я.).

Вечером 9 марта народ узнал, что в Тбилиси гостит прославленный полководец Народно-освободительной армии Китая маршал Чжу Дэ. За ним отправили выборных стариков. Вскоре подъехал ЗиС-110, из которого вышел китайский офицер, хорошо говоривший по-русски. Он представился порученцем маршала, извинился, что маршал не смог приехать сам по причине нездоровья. На вопрос, как относится к Сталину товарищ Мао Цзэдун, ответил, что вождь китайского народа считает себя верным и преданным учеником великого Сталина. Он попытался убедить людей разойтись, уверяя, что всё выяснится и поклепы, возведенные на Сталина, будут сняты. Но народ оставался непреклонен...

Через некоторое время на набережной появились бэтээры с солдатами. Тогда люди стали гнать детей домой. Нас с другом буквально за шиворот вытащил из толпы летчик ГВФ и приказал идти домой. А ночью началась стрельба. Говорили, что пострадало много людей.

На второй день я вышел купить хлеба. На улице было полно военных и милиции. Люди были растеряны и подавлены. Сидевшие на бэтээрах солдаты старались не смотреть им в глаза. К бэтээрам подходили фронтовики и выражали свое возмущение: «За что обидели народ?», «С именем товарища Сталина бросались под танки!», «Мы верим ему

как родному отцу», «Он привел нас к Победе!» Вскоре подошел курд Озо, потерявший ногу в битве под Прохоровкой. Ковыляя на костыле, он направился к военным, рядом шел старший сынишка с портретом Сталина, украшенным сплетенными яркими шерстяными нитками, которыми курдянки украшают портреты самых дорогих усопших.

Озо стал стыдить солдат и офицеров, те угрюмо отмалчивались. На тротуаре стояли несколько райкомовских работников. Один из них указал молодому милиционеру-грузину на Озо. Милиционер нехотя подошел и протянул руку к портрету Сталина. Тут закричали все люди, и даже солдаты начали свистеть. Милиционер бросил фуражку наземь, стал ее топтать и истерически кричать: «Оставьте калеку в покое! Мой отец погиб за Родину, за Сталина! Пусть Никита задохнется первым материнским молоком! (это страшное проклятие на Кавказе. – А.Я.)». Озо же, орудуя костылем, обратился в бегство «руководящих товарищей».

Единство советских народов, единство партии и народа – это была сила, делавшая нашу державу нерушимой. И не надо «демократам» уверять, будто братство народов – это «сталинский миф». Я знаю правду не по газетным статьям, а по жизни. Люди принимали эвакуированных из Ленинграда детей – в нашем доме их жило немало, и мы делились с ними нашей скудной едой, относились к ним по-братски. Почти все мужчины из нашего многонационального двора были фронте. Женщиной верховодила бывшая княгиня Анна Ивановна, старший сын которой погиб под Сталинградом. Она подбадривала слабых, смотрела за детьми, когда их матери были на работе; под ее руководством женщины шили солдатские шинели; она организовала сбор теплых вещей для Красной армии, когда с просьбой об этом обратились представитель Сталинского райисполкома и старик-священник...

Из маленькой Грузии на фронтах Великой Отечественной воевало более 700 тысяч человек, половина из них не вернулась домой. Женщины поголовно ходили в черном, почти в каждом доме на стене висели куски черной материи, на которых по-грузински и по-русски значилось, кто из семьи погиб на войне.

И в это единство народов охаивание Хрущёвым Сталина вбило первый клин. Грузинский народ воспринял его как личную обиду, чем воспользовались наши враги и стали углублять трещину, переводя эту обиду вообще на русских.

А то, что эту антисталинскую кампанию организовал первый секретарь КПСС, а другие партийные руководители, за редким исключением, хоть и нехотя, ее поддерживали, стало первым шагом к отчуждению между партией и народом.

А. ЯКУБОВ

Спасибо, отец! Март 1956 года на улицах Тбилиси

Автор: Administrator
01.09.2014 18:27 -

Белгородская обл.